в самом городе, — с другой. Значительное большинство таких фактических данных падает естественно на долю происходившего в самом городе. Ведь главная тема повести — рассказ об осаде и взятии Царьграда, а не деяния осаждавших. Поэтому количество сведений о том, что происходило собственно в турецком лагере, сравнительно невелико и они разбросаны в разных местах повести. Многие из них по своему характеру скорее всего могут восходить к непосредственно виденному или слышанному в турецком лагере. Сюда относятся: 1) заметка о том, что турки перед первым приступом бились „пременяющеся“[1] без перерыва день и ночь (446 и 8[2]); 2) „видев же безверный Магмет, яко не успе ничтоже [после первого неудачного приступа] паче своих погуби, и повеле магистрам прибавити пушки и пищали многие и стенобитныа козни готовити“[3] (447 и 11); 3) такую подробность, как о двух больших пушках: „ихже ту слиаша“ (448 и 12), следует отнести на долю наблюдателя, находящегося в турецком лагере; 4) то же надо сказать и об эпизоде с большой пушкой (у нее Зустуней выстрелом из своей пушки разбил „зелейник“ — казенную часть) и о впечатлении, произведенном этим эпизодом на Магомета[4] (448 и 13); 5) дальнейшее: „Безбожный же трупиа людей своих не восхоте взяти, но помышляше их метати пороки в град, да сгниют и усмрадят град. Неции же в них [турок], добре знающе град, сказоваху ему величество града и пространство, и яко не коснется их смрад“[5] (449 и 15) — также сообщение, идущее из турецкого лагеря; 6) сюда же следует отнести и рассказ о неудачном выстреле из большой пушки: „Паки безбожный повеле прикатити ону пушку велию, бе бо увязана обручи железными, чаяху укрепивше ю, и яко пустиша ю впервые, абие рассядеся на многиа части“, и несколько выше: „[Магомет] пушку ону великую паки повеле пределати того крепчае“ (449 и 15); 7) на взрыв подкопов, устроенных греками, „злонравный же Магмет с множеством своих издалече бяху смотря бывшего и помышляше, что створити“ (450 и 17); 8) „Магмет, многиа дни советовав, приложиша отступити от града во свояси, зане уже и морский путь приспе и чааху отовсюду помощи граду“ (450 и 17); 9) об изготовлении новой большой пушки: „сказаша окаанному турку, яко пушка она велия слиася добре, и тако совещаша еще поискусити ю“ (450 и 18); 10) греки уже думали, что турки отступили, „безбожный же Магмет не тако совеща, но по три дни собрав паши свои, санчякбеев, тако рече им: видим убо, яко гаурове охрабришася на нас, и тако бранящеся с нами, не можем их одолети“ (452 и 23);[6] 11) Магомет, увидев тьму над городом („знамение“ второе), „созва книжник своих и моли и вопроси их: что есть сиа тьма над градом? И рекоша ему: знамение велико есть и граду пагуба“ (457 и 34);

---

[1] Хотя, надо сказать, об этом могли догадываться и осажденные, которым в течение 13 дней приходилось бороться с постоянно свежими рядами турок.

[2] Все ссылки на страницы даются по изданию хронографической повести в ПСРЛ, т. XXII, СПб., 1911 (трехзначная цифра) и по изданию искандеровской повести в Памятниках древней письменности и искусства, ОЛДП, вып. LXIV, СПб., 1886 (однозначная или двузначная цифра).

[3] О распоряжении Магомета прежде всего должен был узнать человек, находившийся в стане турок, в городе же могли об этом догадываться только по усилившейся бомбардировке.

[4] Магомет решил усилить приступ и отдать город на разграбление, воскликнув: „ягма! ягма!“ („сиречь: на разграбление града“, — поясняет повесть).

[5] В результате трупы были взяты и сожжены.

[6] Далее в речи Магомет приказывает изменить план приступов, решив направить нападение не только на разрушенное место стены, но одновременно на город со всех сторон.